

Во второй половине дня Цзо Шаоцин лениво лежал на мягкой кушетке перед окном с книгой в руках.

“Мастер, вы меня слышите?” Ло Сяолиу увидел, что после его предыдущих попыток позвать третьего мастера, тот не пошевелился, и поэтому почувствовал себя бессильным.

Поза Цзо Шаоцина не изменилась. Он только тихо произнес: “Продолжай”.

Ло Сяолиу откинул свои длинные волосы и сообщил: “Этот слуга пошел и все разузнал, как вы сказали. Все эти служанки с заднего двора очень болтливые. Я узнал, что мать Цзи Шу не собирается поднимать большой шум, в конце концов, ее дочь умерла с позором, выставив всю семью в дурном свете.

Перед смертью Цзи Шу, над ее телом надругались. Нет сомнений, ее мать определенно захотела помочь дочери оставить хоть какую-то репутацию. ”

“Да”. Цзо Шаоцин натянул толстое одеяло до груди и сказал с усталым выражением лица: “Не забудь надеть теплую одежду”.

“Этот слуга знает”.

Спустя неопределенное время за окном начал моросить мелкий дождик. Ворвался холодный ветер, быстро рассеяв тепло в комнате.

Вошла няня Лю и добавила угля в печь, затем достала толстую меховую накидку, подаренную Цзо Шаоцину в канун прошлого Нового года, и накинула ее поверх одеяла.

“Тебе повезло, что в прошлом году госпожа Жуань лично сшила для тебя эту теплую накидку. Иначе эта зима была бы намного суровее”.

Мысли Шаоцина ушли в прошлое. Госпожа Жуань отсутствовала всего два месяца, но он не видел ее семь лет. Она смутно запоминалась ему нежной девушкой, которая тайком баловала его вкусными угощениями и одеждой.

Пока Цзо Шаоцин размышлял, его негодование снова усилилось. Он закрыл глаза и прошептал: “Сяолиу!”

“Да ...” Ло Сяолиу опустил голову. Прямо сейчас, больше всего он боялся приказа Третьего Мастера; это редко предвещало хорошие последствия.

“Отправляйся в покои госпожи и сообщи ей, что приближается экзамен в провинцию. Я намерен посетить академию и попросить совета у учителя ”.

“Мастер ... Она в плохом настроении, поэтому этот слуга не осмеливается провоцировать несчастье.”

“Чего ты боишься? Она же не проглотит тебя целиком!” Цзо Шаоцин обернулся, бросил книгу, которую держал в руках, и крикнул: “Поторопись!”

Ло Сяолиу заворчал, но понял, что сопротивляться бесполезно. Он с опаской пошел на главный двор.

В своих покоях, госпожа Сюэ напутствовала невестку старшего сына. Она отругала ее за то, что та не смогла справиться с проблемами на своем дворе, что привело к такому происшествию в поместье.

“Подави в себе гнев! Ты думаешь, это твоя семья? И не смей беспокоить родственников по пустякам! У какого мужчины нет своих причуд? Будь благодарна, что твой муж взял в постель ту, кто не выходил за пределы этого дома. Подумай на протяжении многих лет, когда он относился к тебе несправедливо?”

Глаза госпожи Хоу были опухшими от слез, а голова низко опущена. Она не осмелилась ответить на ругань свекрови. Тем не менее, горечь в ее сердце продолжала нарастать.

Когда она впервые вошла в семью Цзо, она была полна радости. Ее муж был красивым, известным ученым, и у него даже был наставник в роду. Многие завидовали ей, что она вышла замуж в такой престижный дом.

Однако хорошие времена были недолгими, и ее некогда прекрасные мечты постепенно разбились вдребезги. Госпожа презирала скромное происхождение ее семьи и никогда не проявляла доброты. Темперамент ее мужа был непредсказуем, и он...

Для внешнего мира она поднялась, войдя в особняк Цзо, но кто мог понять смятение в ее сердце?

“Госпожа, пришел Ло Сяолиу”. Наложница Чжу отодвинула занавеску и вошла, отдавая дань уважения двум присутствующим и украдкой бросая жалостливый взгляд на госпожу Хоу.

“Что он здесь делает? Не слишком ли поздно?”

“Он сказал, что Третий молодой господин послал его сюда”.

“Хм, чего ему нужно, хочет пожаловаться на свои травмы? Иди и позови его, я хочу посмотреть, что этот злой человек планирует еще”.

Дрожа, Ло Сяолиу вошел в комнату. Он опустил голову и быстро передал сообщение Сан Е, затем молча встал.

“Он желает пойти в академию?” Госпожа Сюэ внезапно повысила голос, приняв странный тон. “Он действительно верит, что всего несколько дней учебы могут вознести его до небесных высот? Стремиться сдавать экзамен в провинции в таком нежном возрасте – это дерзость!”

Все в комнате понимали, что госпожа Сюэ просто использовала это, как предлог. Общеизвестно, что, если экзамен в провинции будет хорошо сдан, ученику предстояло перебраться в столицу, чтобы сдавать уже государственный.

“Скажите ему, что он волен идти, куда ему заблагорассудится, но он должен помнить вот что”, - провозгласила госпожа Сюэ. “Если он встретит свой конец снаружи, не ждите, что мы возьмем на себя ответственность, как мать!”

Ло Сяолиу нахмурился, озадаченный враждебностью госпожи Сюэ к Сан Е. Тем не менее, это был не тот вопрос, который он мог решить, поэтому он поклонился и вышел.

Снаружи дул резкий ветер, и Цзо Шаоцин намеревался подняться на гору. Он беспокоился, что крытая соломой хижина может протекать во время дождя, да и без этого, она мало защищала от ветра.

Как только Ло Сяолиу вернулся, Цзо Шаоцин нетерпеливо схватил его. Он закинул руку ему на плечо и прихрамывая вместе с ним вышел из дома. Когда никого не было рядом, он чередовал быструю ходьбу с притворной слабостью. Если кто-то появлялся в пределах видимости, он делал три шага и вставал, чтобы отдышаться.

Вскоре они прибыли на рынок. Цзо Шаоцин купил одежду, древесный уголь и несколько горячих блюд. После этого он провел Ло Сяолиу через задние ворота на территорию академии.

Цзо Шаоцин подвел Ло Сяолиу к уединенному дереву и спросил: “Правда ли, что много бездомных населяют полуразрушенный храм в южной части города?”

Ло Сяолю кивнул, бросив озадаченный взгляд на своего хозяина.

Цзо Шаоцин бросил ему несколько серебряных монет. “Возьми эти деньги и попытайся установить с ними контакт в течение следующих трех дней”.

“Мастер, вы намерены их использовать? Все эти люди по большей части преступники. Они выживают, как могут. Стоит ли им довериться?”

“Я не прошу тебя пока совершать что-либо противозаконное. Это просто мера предосторожности”.

Услышав это, Ло Сяолиу втайне вздохнул, принял серебро и вышел из академии через другие боковые ворота.

Цзо Шаоцин потащил купленные вещи и еду вверх по заднему склону горы. К тому времени, как он достиг середины горы, мех его накидки промок, а с волос капала вода. Даже нижняя рубашка прилипла к телу из-за напряжения.

Он толкнул дверь, и почувствовал, что температура в хижине не отличается от той, что снаружи. Подбежав к угольной жаровне, он осмотрел ее и не обнаружил внутри ни единой искры.

“Разве я не говорил тебе подкидывать уголь?” Цзо Шаоцин кипел от злости, обращаясь к мужчине, занятому восстановлением тела.

Лу Чжэн прекратил свои упражнения, и открыл глаза. Его черные зрачки казались были подкрашены слоем золота, которое придавало им исключительное сияние.

“Все нормально!”

“Как это может быть нормально? Что, если ты простудишься и у тебя начнется жар?”

Лу Чжэн с любопытством посмотрел на Цзо Шаоцина, который, казалось, про себя оскорблял его предков на протяжении восемнадцати поколений. Он не понимал, почему этот ученый так раздражен.

“Мне не холодно.”

Цзо Шаоцин разжег угольную жаровню и положил на нее свою замерзшую руку. Спустя значительное время он осознал, что Лу Чжэн родом с севера, а не с юга, и привык к зиме на холодной северной границе. Он предположил, что зима в городе Юси показалась Лу Чжэну теплее весны.

Чувство, что он наговорил глупости, овладело им, заставив его прежние опасения казаться тривиальными. Он задумчиво произнес с сардонической улыбкой: “Интересно, что вы, люди с севера, едите, чтобы стать такими устойчивыми к холоду”.

Воспоминания о прошлых годах в столице всплыли на поверхность. Зима была для него самым суровым временем года. Завернувшись в толстые одеяла, он целыми днями сидел в своей комнате. Даже, если он просто приоткрывал окно, холод становился всеобъемлющим.

Наблюдая за мальчиком, который недавно шел в гору, поэтому у него было раскрасневшееся от напряжения лицо, Лу Чжэн не мог не заметить, что тот обладал изысканными чертами, которые приводили в замешательство.

Цзо Шаоцин зажег жаровню, чувствуя, как тепло медленно обволакивает его тело. Затем он передал принесенную еду Лу Чжэну, возвращаясь к своей обычной вежливости. Он объяснил: “Сегодня вечером пошел дождь, и я беспокоился, что ты замерзнешь, поэтому поспешил проведать тебя”.

Лу Чжэн молчал, сохраняя свое сдержанное поведение. Он принял еду, не произнеся ни слова, вытащил мясную булочку и съел ее.

Его манерам не хватало утонченности, их можно было охарактеризовать, как здоровые и сдержанные, но в то же время это не казалось невежливым. Цзо Шаоцин размышлял: “Мужчины, которые видели поле боя, действительно отличаются. По сравнению с нами, благородными учеными, они излучают определенную грубую мужественность.”

“Это из магазина Си Ши, известной приготовлением лучших мясных булочек в нашем городе. Говорят, что когда она была молода, многочисленные поклонники добивались ее руки, но кто бы мог подумать, что она выйдет замуж за мясника.”

“Что плохого в мяснике?”

“Нет! Он большой и сильный, и совсем не мягкий, и характер у него особенно скверный!” Когда Цзо Шаоцин заговорил о мяснике из города, он сморщил нос. Наконец-то он выглядел как тринадцатилетний подросток.

Лу Чжэн некоторое время пристально смотрел на Цзо Шаоцина и сказал: “Женщины любят мужчин с плохим характером”.

“Что это за логика?”

“Сколько из этих самозванных благородных ученых на самом деле добрые?” Это была одна из причин, по которой Лу Чжэн не любил ученых. Их уста были полны праведности и морали, но на самом деле они могли быть теми ещё ворами, использующими женщин-рабынь.

Цзо Шаоцин сразу подумал о мастере Цзо и кивнул в знак согласия: “Это верно. Часто существует лишь тонкая грань между распушенностью и непристойностью”.

Лу Чжэн был ошеломлен его отношением. Он думал, что молодой человек перед ним, по крайней мере, защитит ученых.

Казалось, что не все потомки семьи Цзо были такими педантичными, как Наставник Цзо. Как же могло быть, что этот молодой человек перед ним не унаследовал прямолинейный характер своего деда?